

Сергей Сергеевич Прокофьев умер в один день со Сталиным: 5 марта 1953 года. Кончина «вождя народов» затмила уход музыканта. Все, кто хотел с ним проститься, шли в Дом композиторов, где проходила гражданская панихида, с комнатными цветами в горшках: других просто не было – все «до-

стались» Сталину. Рядом с гробом стояла печальная и смиренная Мира Мендельсон – вдова.

В то же самое время другая вдова Прокофьева – зэчка Лина Любера – привычно толкала бочку с помоями в женском лагере в поселке Абезь. И знать ничего не знала о том, что умер человек, которого она любила больше всех на свете... Забытое имя...

Долгое время этого имени – Каролина Кодина-Любера – не было ни в одной биографии Прокофьева. Ещё бы – не пристало одному из самых прославленных советских композиторов, шестикратному обладателю Сталинской премии иметь жену-иностранку. А между тем, именно с этой хрупкой испанкой, в которой бродило много «вражеской» крови – польской, французской и каталонской, – Сергей Прокофьев прожил долгих счастливых 20 лет. Но её безжалостно вычеркнули сначала из жизни композитора, а потом даже из воспоминаний о нём. Оставили место лишь для «образцовой» Миры Мендельсон: выпускницы Литературного института, комсомолки, дочери «старого большевика» Абрама Мендельсона и – по слухам – племянницы Лазаря Кагановича...

Гвоздь сезона

Каролина росла в музыкальной семье: отец – испанец Хуан Кодина и мать – полька Ольга Немысская – были певцами. И потому следили за музыкальными событиями Нью-Йорка, куда они перебрались из Испании. А в 1918 году гвоздём музыкальной про-

граммы «Большого Яблока» был как раз Прокофьев. Он выступал в знаменитом Карнеги-Холле. Манера его исполнения, собственные авторские вещи привели в восторг Ольгу Немысскую, и та буквально заставила свою дочь – начинающую певицу – познакомиться с Прокофьевым после концерта. Лина не слишком хотела идти за кулисы: да, ей понравилась его музыка, но сам долговязый 27-летний русский не слишком заинтересовал её.

Лине едва минул 21 год, но она прекрасно знала себе цену: ей, как две капли воды похожей на звезду немого кино Терезу Брукс, мужчины, проходящие мимо, подолгу смотрели вслед. Она знала пять языков, прекрасно пела... Понятно, почему ей не хотелось являться к Прокофьеву в качестве одной из восторженных поклонниц. Но пришлось капитулировать под материнским натиском. Лина хотела остаться незамеченной в толпе других барышень, замерла на пороге. Однако Прокофьев сразу выделил тёмноволосую девушку и пригласил войти. С этого всё и началось. Как он потом написал в своем дневнике, Лина «поразила меня живостью и блеском своих чёрных глаз и какой-то юной трепетностью. Одним словом, она представляла собой тот тип средиземноморской красоты, которая всегда меня привлекала».

Пташка

Очень скоро они уже дня не проводили друг без друга. Специально для своей Пташки – как Прокофьев прозвал Лину – он написал цикл из пяти песен. Потом были другие произведения. И они концертировали вместе – русский пианист и композитор Прокофьев и испанская меццо-сопрано Любера (в качестве творческого псевдонима она взяла фамилию бабушки по материнской линии): Франция, США, СССР, Германия...

Между турне Каролина, играючи, выучила русский язык. И также между гастролями они умудрились обвенчаться – 20 сентября 1923 года в баварском городке Этталь. В феврале 1924-го в их семье появился маленький Святослав. А спустя 4 года второй сын – Олег.

Хрупкую Пташку, по-прежнему, провожали взглядами мужчины. С годами она лишь похорошела, приобрела лоск. За образец элегантности её держали в музыкальных кругах Парижа и Лондона, Нью-Йорка и Милана. Бальмонт посвящал ей стихи, Пикассо, Дягилев и Матисс высоко ценили её стиль, Стравинский и Рахманинов, несмотря на музыкальное соперничество с Про-

кофьевым, отдавали должное её голосу и, главное, — таланту совмещать три должности разом: певицы, светской дамы и композиторской жены. В качестве последней она не только заботилась о быте Прокофьева, но и занималась организацией гастролей и связанных с ними частых переездов, вела переговоры, переводила... Она успевала всё, играючи, элегантно и красиво. По воспоминаниям сыновей Прокофьева, «мамино слово было решающим». Когда композитор надумал после затянувшихся на долгие 18 лет гастролей вернуться в СССР, именно Пташка поставила точку во всех этих сомнениях и метаниях. На родине Прокофьеву обещали дать возможность писать музыку. На Западе же он, как и Рахманинов, и Стравинский, вынужден был откладывать сочинительство ради исполнительской деятельности: только так он мог зарабатывать. Лина, обожавшая мужа, прекрасно понимала: творчество для него — на первом месте. Значит, надо переезжать.

Начало конца

В 1936 году семья Прокофьева вернулась в СССР. Дети пошли в англо-американскую школу. Лина заблистала на приёмах в многочисленных посольствах. Она всегда была в центре внимания. А Прокофьеву действительно позволили творить. Правда, недолго: очень скоро ему объяснили, в чём состоит задача советского композитора. И вот чуть ли не параллельно с «Ромео и Джульеттой» он пишет «Ленинскую кантату», сочиняет оперу об украинском колхозе — «Семён Котко»... И видит, как редет круг его друзей: тот арестован, этот пропал без вести, этот расстрелян, объявлен шпионом и т. д., и т. п. Видит всё это и Лина. Но даже не думает меняться: почему она должна перестать общаться со своими иностранными друзьями, посещать посольства, писать матери во Францию? Что это за глупости?

Правильная жена

В 1938-м Прокофьев уехал в Кисловодск — отдыхать. И едва ли не в первом письме отчитался: «Здесь за мной увивается очаровательная иудейка, но ты не подумай ничего плохого...». Лина и не подумала. А зря. Прокофьев не устоял перед преследованиями Миры Мендельсон. Их курортный роман перерос в роман постоянный. И в 1941 году композитор ушёл из семьи. Возможно, урони Пташка хоть одну слезу, он бы остановился... Но

та «держала марку». Она не любила жаловаться. И терпеть не могла нытиков. Глядя на Лину, никто и подумать не мог, какие демоны разрывают её душу, потому что с уходом Прокофьева она не смирилась ни на секунду и ни на секунду не перестала его любить. Любила композитора и Мира – правильная девушка из правильной семьи.

Долгое время Лина была уверена, что их разрыв лишь временный. Не устраивала скандалов, не обременяла просьбами. Но через несколько лет Прокофьев заговорил о разводе. Тут уж она встала на дыбы. Чего здесь было больше – любви, уязвлённой гордости или простого опасения за участь свою и детей? Она въезжала в СССР женой советского композитора. А кем она будет после развода с ним? Иностранной шпионкой? Врагом народа?

Две вдовы

В конце концов, умные люди объяснили Прокофьеву: брак с испанкой, зарегистрированный в Баварии, в СССР недействителен, так что он спокойно может жениться, что композитор и сделал 15 января 1948 года. Через месяц после этой свадьбы Лину Кожину арестовали как иностранную шпионку и приговорили к 20 годам лагерей...

Там она узнала о смерти своего мужа. Случайно: одна из таких же заключённых услышала по радио, что звучит концерт, посвящённый памяти Прокофьева, сказала об этом Лине. И тогда эта гордая женщина заплакала так, что охранники вынуждены были отпустить её с работы в барак. Она горько оплакивала человека, который оставил её одну с сыновьями в самый тяжёлый момент, который бросил её на произвол судьбы и по вине которого она оказалась в лагерях...

С Колымы Лина вернулась через три года после смерти Сталина и Прокофьева. И, по воспоминаниям современников, уже через два дня вновь являла собой образец элегантности. Заявила о своих правах на наследие композитора, тут-то и всплыло пикантное обстоятельство, получившее в юридической практике название «казус Прокофьева»: гений оставил после себя сразу двух вдов

Теперь, когда Сталина не стало, брак Прокофьева с Линой вновь стал законным. Лине и сыновьям досталось почти всё имущество.

Лина стремилась уехать на Запад. Она безрезультатно обращалась к Брежневу с просьбами дать ей возможность повидать

престарелую мать. В 1971 году её младший сын Олег получил разрешение выехать в Лондон на похороны своей жены-англичанки, скончавшейся в России от заражения вирусным гепатитом, и повидать свою дочь от этого брака. Олег остался жить и работать в Британии. В 1974 году на одно из писем Лины, адресованное тогдашнему председателю КГБ Юрию Андропову, с просьбой разрешить ей на месяц выехать в Великобританию, чтобы повидать сына и внучку, пришёл ответ: через три месяца ей позвонили из ОВИРа и сообщили, что ей предоставлена трёхмесячная виза для поездки в Великобританию. К этому времени ей было уже 77 лет.

Она не вернулась. Но Лину нельзя было считать беженкой. Советские власти не хотели политического скандала, который возник бы, если бы вдова великого Прокофьева попросила политического убежища на Западе. Советское посольство в Лондоне без проблем продлевало ей визу. На Западе Лина Прокофьева делила время между Лондоном и Парижем, куда впоследствии перебрался её старший сын с семьей. Много времени она проводила в США и Германии. В Лондоне в 1983 году она основала Фонд Сергея Прокофьева, куда передала свой обширный архив, включавший переписку с мужем. Её без конца приглашали на прокофьевские юбилеи, фестивали, концерты. Свой последний, 91-й день рождения, Лина Прокофьева отпраздновала 21 октября 1988 года в больнице в Бонне, куда прилетели её сыновья. Она была смертельно больна, но пригубила шампанского. Её переправили в Лондон, в клинику имени Уинстона Черчилля, где она скончалась 3 января 1989 года. Записи с пением сопрано Лины Люберы не сохранились.

Каролина Кодина-Любера прожила долгую жизнь. В 77 лет она начала жизнь сначала. Много путешествовала, растила внуков. Но главное – она занималась переизданием музыкального наследия Прокофьева, делала всё, чтобы имя её великого мужа не было забыто на Западе. И его действительно там знают, помнят и любят.